

Научная статья

УДК 930.1 «20»

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-144-158

В. И. Ленин, Дж. Даймонд и М. Хайдеггер: Об одном аспекте понимания истории нового времени

Иван Ростиславович Соколовский

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

sokolowski@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1718-6115>

Аннотация

Статья рассматривает известный тезис В. И. Ленина о том, что капитализм сложился в результате изменения поведения крупных купцов, которые по достижению политического единства и складывании крупного рынка перешли от торговли к организации производства в более широком историческом контексте. Исследователи Сибири XVII века не находят исторического подтверждения ленинской схемы, однако она вполне применима к другим странам раннего нового времени и для рассмотрения механизма раннего этапа колониальной экспансии европейских держав (И. Р. Соколовский, 2019). В то же время Дж. Даймонд указал на границу между «нормальным» поведением человека на новых землях и поведением колонизаторов нового времени. Границей этой стал рациональный или квази-рациональный учет своих действий. М. Хайдеггер называет такой подход «поставом» (Gestell). «Постав» рассматривает окружающий мир как калькулируемый ресурс для самовозрастающей прибыли. На примере швейцарского виноторговца, умершего в Северной Америке в 1736 г., итальянский микроисторик К. Гинзбург показал, как в действительности действовали «капиталисты-купцы» и как в обыденной жизни выглядел тот «постав», который определял их действия: хищническое присвоение материальных и трудовых ресурсов постепенно становится на твердую базу рационального расчета.

Ключевые слова

В. И. Ленин, капитализм, колониальная экспансия, Дж. Даймонд, М. Хайдеггер, постав (Gestell), микроистория, К. Гинзбург

Для цитирования

Соколовский И. Р. В. И. Ленин, Дж. Даймонд и М. Хайдеггер: Об одном аспекте понимания истории нового времени // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 2. С. 144–158. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-144-158

Vladimir Lenin, Jared Diamond and Martin Heidegger: On one aspect of understanding of early modern history

Ivan R. Sokolovskii

Institute of History SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

sokolowski@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1718-6115>

Abstract

The article discusses in a broader historical context the well-known thesis of V. I. Lenin that capitalism was formed as a result of a change in the behavior of large merchants, who, after the state achieves political unity and forms a unified market, switch from trade to the organization of production. Researchers of the 17th century Siberia do not find historical confirmation of Lenin's scheme, however, it is quite applicable to other countries of the early modern period and to the mechanism of the early stage of the colonial expansion of European powers (I. R. Sokolovsky, 2019). At the same time, J. Diamond's research pointed out the boundary between "normal" human behavior in the new lands and the behavior of the colonizers of the early modern period. This boundary is a rational or quasi-rational accounting of one's actions. M. Heidegger calls this approach Gestell. Gestell considers the surrounding world as a calculated resource for self-increasing profit. Using the example of a Swiss wine merchant who died in North America in 1736, the Italian micro-historian K. Ginzburg showed how the merchants and "capitalists" actually acted and what the Gestell that determined their actions looked like in everyday life: predatory appropriation of material and labor resources is gradually getting a solid base of rational calculation.

Keywords

V. I. Lenin, capitalism, colonial expansion, J. Diamond, M. Heidegger, Gestell, micro-history, K. Ginzburg.

For citation

Sokolovskii I. R. Vladimir Lenin, Jared Diamond and Martin Heidegger: On one aspect of understanding of early modern history. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 2, p. 144–158. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-144-158

Знание исторических фактов само по себе не создает понимания истории. К сожалению, эта простая и очевидная мысль не является особо популярной среди тех, кого она касается. Кроме того, даже если бы люди понимали бы проблему, это не снимало бы трудностей самого понимания. Например, путем простого наблюдения мы видим, что в XVII веке в северном полушарии происходят большие и скоординированные перемены, которые к 1700 г. затрагивают почти все общества этой части планеты и частично «выплескиваются» за ее пределы, затрагивая ряд обществ Южной-Америки и Юго-Восточной Азии. Однако это наблюдение не ведет к автоматическому пониманию. Так исторически сложилось, что больше всего попыток понимания истории в XX веке делалось в рамках гегелевской философии истории (см., например: [Хут, 2010]). В рамках этого подхода была сформулирована определенная система понятий, которая до некоторой степени позволяла объяснять исторические события. Как мы попытались показать в своих работах (например, [Соколовский, 2019]), – советские историки не смогли проиллюстрировать эти построения, анализируя Сибирь XVII века: русские купцы, занятые в сибирской торговле не создавали рассеянных мануфактур по причинам большого налогового гнета, военных действий, возможностей извлекать выгоды

из социального статуса и отсутствия у них достаточной автономии¹. Однако сам подход возможно проиллюстрировать на материале Западной Европы и ее колоний нового времени.

На вопрос о причинах колониальных захватов и первых ростков капитализма существует довольно четкий ответ В. И. Ленина, что стремление к прибыли при появлении «политического единства» привело к складыванию единого всероссийского рынка, а его возможности привели к изменению поведения (открытию возможности не только перепродавать, но и производить требуемые предметы потребления и средства производства, причем в товарных количествах). Исследуя некоторые экологические ниши, где паттерны человеческой деятельности имеют ярко выраженные экологические последствия, Дж. Даймонд показал, что стремление людей к наживе не нуждалось в «политическом единстве», а реализовывалось всегда и везде так, что мы иногда можем заметить, что оно, мягко говоря, недальновидно, о чем подробно будет сказано ниже. Можно предположить, что гипотеза В. И. Ленина исходит просто из масштаба явления, когда оно становится видимым. Но можно предположить также и другое, что мы имеем дело не только с количественным ростом, но и с качественным изменением. М. Хайдеггер связывает изменение человеческого поведения со способами отношения к философии, что будет детально раскрыто во второй части статьи. Восприятие философии как метафизики позволяет сформировать инструментальное, техническое отношение к миру, которое он называет «постав» (Gestell). Это отношение позволяло колонизаторам рационально исчислять прибыли и убытки, а значит делало все действия более эффективными, даже если расчет оказывался не всегда верным. В заключение мы приведем исторический пример швейцарского предпринимателя, который хотел поставить колонизацию новых земель Северной Америки и Австралии на рациональную основу, черпая аргументы из Библии. В интерпретации этого примера мы расходимся с его первооткрывателем, итальянским историком К. Гинзбургом. К. Гинзбург считал, что этот пример показывает отсутствие у колонизаторов «протестантской этики», по Веберу, на наш же взгляд он представляет собой один из ранних примеров отношения к жизни как «поставу», когда даже библейские страницы становятся руководством к наживе. Обобщая, мы мо-

¹ В статье «О “капитале” и “капитализме” в работах советских историков» [2019] мы отмечали, что капиталисты-купцы, увидев огромный рынок (от Курска до Охотска) не бросились создавать рассеянную мануфактуру, чтобы обменять, условно, дешевые шерстяные ткани на дорогие меха. А производства вроде солеварен или пивоварения часто терпели крах. И причина, скорее всего, не в рисках, как можно было бы подумать, находясь внутри ситуации, а в приоритетах. Мануфактурное производство возникает в России, только получив гарантированный сбыт, т.е. уже в XVIII веке. Суть нашей статьи в том, чтобы «перекинуть мостик» между В.И. Лениным и М. Хайдеггером. Мы исходим из того, что колониализм рационален в плане получения прибыли. Более того, легко найти много эмпирических данных, которые можно использовать для обоснования той или иной теоретической гипотезы о его «рациональности». В определенном контексте мы можем сказать, что в данном случае рациональность – это «бухгалтерия грабежа». И в этом смысле интересен Дж. Даймонд, который показывает, что люди делали на всех новых землях только то, что уже умели ранее. Более того, здесь уместна мысль М. Хайдеггера, подчеркивающего, что для этого исторического периода характерна задача максимизации материального (вместе со стратегией защиты «своих» материальных благ от посягательств других людей, добавим уже от себя). Концепция В.И. Ленина «работает» для европейцев: они перешли к новому типу производства после того, как обогатились за счет колониальной политики, но в России XVII века, по-видимому, этого не произошло.

жем сказать, что несколько изолированных примеров Дж. Даймонда показывают, что люди определенным образом всегда относятся к имеющимся ресурсам, но капиталистическое измерение возникает не по Ленину, вместе с формированием политического единства и общего рынка, а, наоборот, – эти явления следуют за изменившимся отношением к миру (по М. Хайдеггеру).

Ленинский тезис о причинах складывания капиталистических отношений

В 1894 г. в работе «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи “Русского богатства” против марксистов)» В. И. Ленин писал: «...только новый период русской истории (примерно с XVII века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями, почтеннейший г. Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных» [Ленин, 1958а, с. 153–154]. В книге «Развитие капитализма в России» в 1899 г. В. И. Ленин сохранил прежнее отношение к «периоду новой истории»: «Рынок есть категория товарного хозяйства, которое в своем развитии превращается в капиталистическое хозяйство и только при этом последнем приобретает полное господство и всеобщую распространенность. Поэтому для разбора основных теоретических положений о внутреннем рынке мы должны исходить из простого товарного хозяйства и следить за постепенным превращением его в капиталистическое» [Ленин, 1958б, с. 21–22].

Одним из способов понимания является сравнение. Оно позволяет провести границу между двумя понятиями. Для В. И. Ленина капиталистическому хозяйству «нового времени» противостоит хозяйство «натуральное»: «При натуральном хозяйстве общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц (патриархальных крестьянских семей, примитивных сельских общин, феодальных поместий), и каждая такая единица производила все виды хозяйственных работ, начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к потреблению». [Ленин, 1958б, с. 21–22]. Сейчас мы понимаем, что в такой картине мира нет ни добычи и производства металла (которое даже в самых примитивных обществах не происходит в «патриархальных крестьянских семьях»), ни торговли на больших расстояниях (которая в протоформе встречается еще на заре цивилизации), ни межобластного обмена. Тут представлена весьма упрощенная модель, смысл которой показать, что всё это существует, пока на сцене истории не появляется «товарное хозяйство»: «при товарном хозяйстве создаются разнородные хозяйственные единицы, увеличивается число отдельных отраслей хозяйства, уменьшается число хозяйств, производящих одну и ту же хозяйственную функцию» [Там же]. В. И. Ленин отмечает, что «этот прогрессивный рост общественного разделения труда и является основным мо-

ментом в процессе создания внутреннего рынка для капитализма» [Там же]. Если у нас есть небольшое число специализированных хозяйств одного вида, то вступление их в череду обменных операций неизбежно. Ибо, производя специализированный товар, они не могут удовлетворить все нужды, все потребности людей, которые в них заняты. Люди, которые заняты производством табака, должны обменивать его хотя бы на кукурузу и сушеную рыбу, иначе производственный цикл прекратится по вполне понятным естественным причинам. Но дальше – больше: В. И. Ленин обращается к К. Марксу. И теперь читателю надо внимательно следить за руками: «В товарном производстве и его абсолютной форме – капиталистическом производстве, – говорит Маркс, – продукты лишь постольку являются товарами, т. е. полезностями, имеющими меновую стоимость, подлежащую реализации – превращению в деньги, – поскольку другие товары составляют эквивалент для них, поскольку другие продукты противопоставляются им как товары и как стоимости; другими словами, постольку поскольку эти продукты производятся не как непосредственные средства существования для тех, кто произвел их, а как товары, как продукты, превращающиеся в потребительные стоимости лишь посредством превращения в меновую стоимость (деньги), посредством отчуждения. Рынок для этих товаров развивается вследствие общественного разделения труда; разделение производительных работ превращает их продукты взаимно в товары, в эквиваленты друг для друга, заставляя их служить один для другого рынком» («Das Kapital», III, 2, 177–178)» [Ленин, 19586, с. 21–22]. Т. е. специализация ведет не только к обмену, но и к уравниванию всех «потребительных стоимостей» через «меновую стоимость» (деньги), которая, кстати, начинает жить собственной жизнью, раскручивая маховик рынка. Если мы еще добавим сюда «самостоятельную жизнь» долгов, сначала как векселей, потом как акций, облигаций и пр. инструментов, то увидим самозарождение и формирование весьма сложной «машинерии» за кулисами мира капиталистического изобилия.

Мы полагаем, В. И. Ленин выстраивал примерно такую логику развития рыночного механизма: объединение страны создает возможности для торговли тех купцов, которые уже есть, они получают возможность продавать свои товары не только в самых отдаленных уголках, но и во все возрастающих объемах, постоянно богатея, что меняет их образ действий. Поскольку на первоначальном этапе эта торговля удовлетворяет уже существующие потребности и еще не создает новых, то достаточно легко происходит процесс перехода на следующую стадию развития: снижения издержек производства. Перемена происходит тогда, когда «организаторы производства» переходят от простой скупки ремесленной продукции к организации рассеянной мануфактуры, где каждое действие становится дешевле, так как специализируется. На следующем этапе в дело вступают технические усовершенствования. Такие крупные игроки на рынке повседневных товаров разоряют своих мелких конкурентов, насильно вырывают их из системы феодальных отношений, постепенно ведут к росту городов (где, например, процветает международная торговля), которые могут аккумулировать и вовлечь в капиталистическое производство разоренные феодальные низы в качестве мануфактурных рабочих. Эти процессы разгоняют спрос не только на товары и услуги, которые раньше производились в крестьянском хозяйстве, а теперь производят-

ся мануфактурно, но и на продуктах питания, что позволяет перестроить на капиталистических началах уже сельское хозяйство. «Промышленная революция», т.е. широкое использование машин и механизмов там, где ранее использовался ручной труд, вызывает переход от мануфактуры к фабрике. Социальная основа этого перехода – купцы-капиталисты, стремящиеся превратить свои деньги в «капитал» (т. е. деньги, способные приносить ежегодную прибыль), и разоренные ими ремесленники и крестьяне, выброшенные на рынок свободного труда. Хотя такое объяснение не работало на материале отечественной истории, особенно истории сибирской, но в целом оно более или менее адекватно отражало ситуацию в «ядерных» для данного типа хозяйствования странах (Англии, Голландии, Франции и проч.) (подробнее см.: [Соколовский, 2019, с. 161-163])

Кроме того, не очень ясен механизм, который понуждает купцов заняться производством. Жажда наживы? Хорошо, а где была эта жажда наживы до политического единства? Конечно, эффект снижения издержек в рамках одного раздробленного княжества не так, но всё же ощутим. Что мешало техническим инновациям в условиях татаро-монгольского ига? Почему они возникают только на излёте истории Московского царства при переходе к Петербургской империи?

В современных условиях накоплен большой материал по наблюдению за конкретными обществами, которым В. И. Ленин и К. Маркс располагали лишь частично. Антропологи и археологи сумели изучить часть бесписьменных обществ, которые, находясь в относительной изоляции, сумели разрушить свою среду обитания до такой степени, что жизнь в этих местностях прекратилась на довольно долгое время, если не навсегда. Анализируя целый ряд изолированных обществ, которые пришли к тотальному «коллапсу», профессор географии Джаред Даймонд пытался установить причины этого и заодно выявил целый ряд черт человеческого поведения, которые могут быть нам интересны в обсуждении движущих мотивов и механизмов поведения героев ленинского тезиса.

Дж. Даймонд о приемах хозяйственного поведения человека

Столкнувшись с проблемой «саморазрушительной» хозяйственной деятельности со стороны некоторых сообществ (викингов Гренландии и Исландии, аборигенов острова Пасхи и каньона Чако), Дж. Даймонд попытался сформулировать причины такого поведения. Он выделил четыре фактора: «Во-первых, группа может оказаться неспособной предвидеть проблему до ее появления. Во-вторых, когда проблема все-таки возникла, группа может оказаться неспособной ее увидеть. Затем, если проблема все-таки обнаружена, группа может оказаться неспособной ее решить. И наконец, даже если группа попытается решить проблему, она может потерпеть неудачу». Поэтому, делает он вывод, «если мы поймем, почему группы часто принимают неверные решения, то сможем использовать эти знания, чтобы научиться принимать верные решения» [Даймонд, 2008, с. 584].

Однако, если взглянуть на тот исторический материал, который он собрал и обобщил, то в нем обнаружится мало места для излучаемого им оптимизма. Например, он перечисляет задачи, которые «ставили» и «решали» реконструируемые им по археологическим данным «элиты» погибших обществ: 1) личное обогаще-

ние; 2) ведение военных действий; 3) сооружение памятников (в рамках символического соперничества); 4) соперничество за взимание с подданных достаточного количества податей, прежде всего продуктов питания. И далее он делает печальный, но, похоже, верный вывод: «Как и большинство правителей на протяжении человеческой истории, цари и аристократия майя не обращали внимания на долгосрочные проблемы» [Даймонд, 2008, с. 234].

Причем, согласно Дж. Даймонду, цивилизованность не делает поведение людей лучше или разумнее в этом отношении. «Датчане, появившись в Гренландии в XVIII веке», могли предложить «примитивным варварам» ту же программу: они могли их 1) убивать; 2) грабить; 3) брать в жены их женщин; 4) отбирать землю; на худой конец 5) торговать, но, мы, в отличие от Дж. Даймонда, догадываемся, в чью пользу будет торговый баланс этих операций. Автор отмечает, что «позже европейцы научились решать эти вопросы, имея наготове целый ряд различных вариантов взаимодействия и выбирая наиболее подходящий для конкретной ситуации, с учетом многих факторов: в большинстве европейцы или нет, достаточное ли у колонизаторов европейских жен или нужны туземные женщины, есть ли у туземцев какие-либо предметы или материалы, которые можно было выгодно перепродать в Европе, привлекательны ли земельные владения туземцев для европейских поселенцев и так далее». То же самое «меню», но уже под соусом «рациональности» [Даймонд, 2008, с. 363]. Весьма характерным является, например, поведение викингов в отношении христианства: «Церкви и монастыри являлись для них всего-навсего легкой и лакомой добычей, очевидным источником наживы», т.е. такие «супермаркеты» бесплатных «ништяков». Заходи, кто хочешь, бери, что хочешь [Там же, с. 253].

Интересны и приводимые им контрпримеры такого поведения: например, оказавшаяся в изоляции из-за страха перед мощным иноземным вторжением Япония в эпоху Токугава пришла к тому, что была вынуждена полагаться только на собственные силы «и не могла удовлетворить потребности грабежом ресурсов соседей» [Даймонд, 2008, с. 423]. На протяжении нескольких страниц Дж. Даймонд красочно описывает почти семьдесят лет «экологической политики» доминиканских диктаторов, которым в конечном итоге удалось сохранить леса на водоразделах в Доминиканской республике (в соседней республике Гаити они были фактически вырублены). Один из ярких «положительных» персонажей этой саги – Хоакин Балагер – «честно выиграл президентские выборы в 1986 году, но прибегал к обману, насилию и запугиванию, чтобы обеспечить свое избрание в 1966 году и переизбрание в 1970, 1974, 1990 и 1994 годах; ...использовал собственные команды головорезов для убийства сотен или даже тысяч членов оппозиции; ...отдавал приказы о многочисленных насильственных выселениях бедняков из национальных парков. Многие незаконные лесорубы были убиты с его молчаливого согласия или же по прямому приказу» [Даймонд, 2008, с. 473–477]. Однако близорукость, с которой действовали его противники в «лесном вопросе», тоже впечатляет.

Эта история хорошо отражает один из движущих моментов экологической близорукости человека. Описывая ситуацию в Северной Европе, Дж. Даймонд пишет, что 1) «награбленное в Европе добро было необходимо для привлечения

на свою сторону союзников и последователей»; кроме того, 2) «кто проигрывал в междоусобных стычках у себя дома, получали дополнительный стимул попытаться счастья на чужбине» [Даймонд, 2008, с. 210]. Кроме того, чем скуднее ресурсы, тем энергичнее становятся конфликты за обладание ими, особенно если раньше всем хватало [Там же, 2008, с. 242].

Особенно плохо дело обстоит там, где возможна приватизация прибылей от какого-либо ресурса и коммунитаризация (обобществление) издержек. Часто это порождает т.н. «трагедию ресурсов общего пользования». Предположим, что все жители острова обрабатывают одно картофельное поле, а полученный урожай делят поровну (это почти реальный пример, правда, на британском острове Тристан-да-Кунья общее картофельное поле разделено на частные участки). Тогда все работающие будут заинтересованы в том, чтобы поле как можно дольше сохраняло свою урожайность. Но если мы имеем дело с пастбищем, которое теряет свое плодородие по мере увеличения числа овец (а шерсть можно очень выгодно продать), то, скорее всего, владельцы овец будут думать: «Если я перестану... пасти своих овец, ... пасти своих овец будут другие... пастухи. Так лучше уж это буду делать я». Он отмечает, что существуют даже такие индивиды, «которые считают, что могут достичь собственных интересов, только нанося ущерб другим людям». «Злоумышленники вполне осознанно идут на преступления, особенно если не встречают отпора или если этот отпор незначителен. Они чувствуют себя в безопасности в силу своей эффективной немногочисленности и сильно мотивированы перспективой получить большую, вполне конкретную и немедленную выгоду, а все издержки при этом равномерно распределяются по остальной массе людей». К его внящему возмущению «ученые называют такое поведение «рациональным» именно потому, что оно подразумевает рациональную аргументацию, даже если эта аргументация предосудительна» [Даймонд, 2008, с. 592]. Дж. Даймонд с горечью заключает: «Таким образом, суть “рационального поведения” заключается в том, чтобы опередить в потреблении другого, несмотря на то что результатом может стать крах общества и нанесение вреда всем потребителям» [Там же, с. 593, 594].

Дж. Даймонд считает, что эмоциональная связь и чувство солидарности с большой группой людей часто толкают людей на такие поступки, которые бы они не совершили, если бы у них была бы возможность обдумать их в тишине и одиночестве [Даймонд, 2008, с. 605]. В результате у многих человеческих сообществ вырабатывается гибкая система действий, которые они применяют ради удовлетворения своей алчности. Викинги, постоянно двигаясь по разным маршрутам, начинали свои контакты с местным населением с мирной торговли, но если видели слабость своих контрагентов, то переходили к вымогательству под обязательством не применять силу, и даже могли перейти к прямому грабежу, убийствам и увенчать этот нехитрый список захватом земель [Там же, с. 243]. Объектом разграбления, прежде всего экономического, мог стать любой ресурс от оазиса в каньоне Чако в Северо-Западном Нью-Мексико до берегов Гренландии и Исландии (см.: [Даймонд, 2008, с. 181]). О плодах деятельности других людей мы уже говорили.

Любая «инновация» чаще всего выливалась в перенесения старых приемов на новую почву. Появление драккаров у викингов позволило им кратковремен-

но пограбить почти всю Европу, то же произошло с испанцами и португальцами на пять веков позже. Даже полинезийцы использовали в своих «колониальных захватах» определенные инновации (см.: [Даймонд, 2008, с. 245]). Дж. Даймонд печально отмечает, что «за последние 50 000 лет на всех островах и континентах, на которые впервые ступал человек, происходила усиленная эксплуатация и гибель большинства основных морских рыбных промыслов, вымирание большого числа крупных млекопитающих, птиц и рептилий» [Там же, с. 595]. В другом месте он метко заметил, что человечество похоже на бодрых бактерий в чашке Петри, которые, скажем, удваиваются за одно поколение и на предпоследней итерации бодро заявляют: «Без паники, ребята! У нас свободна еще половина чашки!». Потом число бактерий снова удваивается, чашка оказывается занята полностью, и бактериям не остаётся ничего, кроме как... несколько сократить свою численность.

В объяснении успешности и неуспешности разных обществ Дж. Даймонд, как и положено профессору географии, склоняется к географическому детерминизму (см. [Даймонд, 2008, с. 567]). Не обращает он внимания на поставленные в мире крупные социальные эксперименты, когда однородные в природном отношении местности были поделены между разными политическими образованиями и достигли разных результатов. В плане критики Дж. Даймонда отметим, что рациональное поведение человека, ничем не отличающееся от рационального поведения тропических хищников, которые запасов не делают и учет убойного стада не ведут, пока привело к катастрофам только в отдельных изолированных местностях. В остальном мире людям казалось, что их так мало, а мир такой большой и бесконечный, что ресурсов хватит на всех и навсегда.

Работы Дж. Даймонда встретили определенный интерес в отечественной науке, который колеблется от простого упоминания в списке литературы (см., например [Сафонов, 2015; Хут, 2010, с. 22]) до замечаний в обзоре про «прорывы к ценным макросоциологическим обобщениям» (см., например: [Розов, 2014; Олдрич, 2004, с. 12]) или про объяснение «смены культур и культурных катастроф (от Гордона Чайлда до Колин Ренфрю, Льва Клейна, Юрия Лотмана и Джареда Даймонда)», которые «привели к пониманию некоторых универсальных законов, которые управляют процессом культурного развития» (подробно см.: [Ткачук, 2015]); до признания легитимности географического детерминизма Дж. Даймонда [Балацкий, 2021, с. 36–52] и попытки объяснения феодализма через механизмы насильственного изъятия продовольственных запасов (см.: [Дерлугьян, 2017]). По мере распространения по планете людей, занятых производящим хозяйством, их хищнические привычки приводили к локальным природным катастрофам. Это показывает, что сиюминутные цели люди всегда и везде ставили выше долгосрочных, но не это заставило их развернуть процесс европейской колонизации, который позднее привел к фланированию капиталистического производства.

М. Хайдеггер о мировоззренческом переломе XVII в.

Суть капиталистического подхода к миру раскрыл Мартин Хайдеггер. Отметим, что фигура М. Хайдеггера остаётся довольно популярной в отечественной

философской традиции, несмотря на попытки примитивизировать его позицию и свести всё к его весьма неудачному политическому опыту и неполиткорректным взглядам (см., например, работы сибирских философов [Философия, 2018, с. 22, 37, 49, 83, 120])

Хайдеггер не был историком. Но то, что происходило в XVII в., часто упоминалось в его работах. Правда, речь в этих упоминаниях шла по большей части о «метафизации» философии, о чем М. Хайдеггер, как верный в прошлом ученик иезуитов знал не понаслышке. В связи с этим вопросом он часто возвращался к фигурам П. да Фонсеки и Ф. Суареса [Heidegger, 2006, с. 4]. Упоминал отношения мистицизма Якова Бёме и современного ему восточного коммунизма [Heidegger, 2013, с. 875]. Рассматривал отношение христианства Воли-к-воле [Heidegger, 2015, с. 90]. Но была одна тема, которую он затрагивал и как вопрос о сущности философии Декарта, о его математической ориентированности [Heidegger, 2006, с. 105] и как вопрос о технике. При этом надо помнить, что мышление М. Хайдеггера весьма исторично. Например, он не склонен опрокидывать наше видение сегодняшнего в прошлое и слово *physis*, например, «подразумевает небо и землю, растения и животных, а также известным образом и человека. Это слово означает некоторую особую область сущего, которая у Аристотеля, как и в школе Платона, остается отграниченной, собственно говоря, от *ethos* и *logos*» [Хайдеггер, 1991, с. 45].

В работе «Вопрос о технике» М. Хайдеггер прямо утверждает, что «по историографическому счету времени начало современного естествознания приходится на XVII век. Машинная техника, напротив, развивается только со второй половины XVIII века. Но более позднее для исторической фактографии – современная техника – по правящему в ней существу есть более раннее событие» [Хайдеггер, 1993а, с. 230]. В этой работе М. Хайдеггер откровенно высмеивает представления, что техника есть всего лишь средство для достижения целей. И, с еще большим сарказмом, что техника это просто известного рода человеческая деятельность (см.: [Хайдеггер, 1993а, с. 221]). Верные по форме, эти утверждения не приближают нас к существу проблемы, а удаляют. Как если бы кто сказал, что герои Дж. Даймонда умерли от голода. И не сказал, что именно в их действиях привело к этому голоду.

Суть техники хорошо видна в контексте того, что если мир расчленяется на цели и средства, то, соответственно, есть в этом мире и инструменты, и причины [Хайдеггер, 1993а, с. 222]. Однако в таком целесообразном мире невозможно добиться целей, если они не будут достигаться соответствующими средствами. Средства, не ведущие к цели, не будут истинными. Следовательно, мир как предмет инструментализации должен предполагать определенное овладение человеком истиной. Однако, как известно, познание истины делает нас [Там же, с. 228]. М. Хайдеггер остроумно отмечает, что соотношение естествознания и техники напоминает устройство вечного двигателя. Чем лучше техника, тем сильнее естествознание, а чем лучше естествознание, тем лучше техника. Современникам расшифровки ДНК, клонирования, беспилотных устройств и нейросетей вряд ли надо подробно объяснять этот вопрос, который был затронут более семидесяти лет назад [Хайдеггер, 1993а, с. 230].

И тут мы подходим к сути вопроса. Такое видение мира «с самого начала несет в себе установку на воспроизводство, на увеличение производительности в смысле извлечения максимальной выгоды при минимальных затратах» [Хайдеггер, 1993а, с. 226]. Поэтому каждый элемент природы оказывается просто ресурсом, вовлеченным в этот процесс. Например, река Рейн оказывается просто гидроресурсом с определенным дебетом воды: «В системе взаимосвязанных результатов поставки электрической энергии сам рейнский поток предстает чем-то предоставленным как раз для этого» [Там же, с. 226]. Такой подход перемалывает не только социальность, человека, но и сам человеческий язык: «Постав, разма- тавшееся во все стороны существо современной техники, составляет себе форма- лизованный по заказу язык, тот способ информирования, в силу которого чело- век униформируется, т.е. конформируется в технически-исчисляющее существо, шаг за шагом утрачивая “естественный язык”» [Хайдеггер, 1993б, с. 270–271].

Комментируя речь Н. С. Хрущева, М. Хайдеггер отмечает, что такое видение мира не имеет физических границ. Космос так же может быть подвергнут каль- куляции, переработке и утилизации, как и все остальное, ибо «техническое осу- ществление того самого, что в течение трех столетий со все большей решительно- стью и исключительностью составлялось в качестве природы, такой-то природы, и что теперь поставляется как всемирный, межзвездный постав» [Хайдеггер, 2008, с. 423]. Конечно, М. Хайдеггер не рассматривал себя как «философа техники», а безумие «постав» как норму; указав на суть этого явления, он призывал дви- гаться дальше: «То, что благодаря современному техническому миру мы узнаем в поставе как в конstellации бытия и человека, есть пролог к тому, что зовется со-бытием. Ему, однако, нет нужды вечно задерживаться на своем прологе» [Хай- деггер, 1997, с. 125].

«Постав» на историческом примере швейцарского купца

Нельзя сказать, что историки вообще не интересуются пониманием истории. Фернан Бродель в 1960 употребил термин «микроистория». Она была для него синонимом истории эфемерных событий [Медик, 1994, с. 193], но этот термин зажил собственной жизнью и стал знаменем целого направления, одним из вдох- новителей которого стал итало-франко-американский историк Карло Гинзбург. Ханс Медик не только сообщает нам научную биографию К. Гинзбурга, но и ука- зывает, что в ее основании лежит кризис того представления о модерне, которое было захвачено хайдеггеровским поставом. Микроистория возникает, когда воз- никает «ослабление идентификации с более крупными общностями, будь то на- ция или государство, крупные партии, профсоюзы или прогрессистские движе- ния» [Медик, 1994, с. 195].

Нам интересна одна работа К. Гинзбурга, где он рассматривает персонажа, который, по его мнению, не вписывается в веберовское понимание истории ка- пitalизма раннего нового времени. В 1695 г. Жан-Пьер Пюрри в возрасте при- мерно двадцати лет был назначен сборщиком налогов близ Невшателя, через год он от этой должности отказался. В сентябре того же года Жан-Пьер женился на дочери пастора и занялся виноторговлей. В 1709–1711 гг. он занимал долж-

ность мэра небольшого городка. С 1713 по 1718 год он находился на службе Ост-Индской компании и провел почти четыре года в Батавии. В 1718 г. он пишет голландцам записку о колонизации Южной Африки и/или Австралии. Ссылается он в своем тексте на то, что климат для виноделия одинаков как в широтах северного, так и южного полушария. В 1719 г. его план был отвергнут. В 1724 г. он предлагает англичанам колонизацию Южной Каролины несколькими сотнями швейцарских протестантов, опять же отстаивая свою теорию «климата, благоприятного для виноделия», которую он почерпнул из Библии. В 1731 г. получает патент на этот проект. В 1732 г. издает свой план отдельной брошюрой. В 1736 г. он умер в Северной Каролине. К концу века один из его сыновей был весьма богат. Карло Гинзбург пишет об этой карьере и сопровождавших ее текстах: «Жан-Пьер Пюрри, предприниматель-протестант, который подчеркивал необходимость силы для того, чтобы ввести ленивых, нецивилизованных аборигенов в царство изобилия, несовместим с идеальным типом Вебера. Если я не ошибаюсь, история Пюрри заставляет переоценить с четко фокусированной и неожиданной точки зрения соответственно сильные и слабые места двух самых влиятельных социальных мыслителей нашего времени»².

Однако, на наш взгляд, всё обстоит ровным счетом наоборот. В этом историческом примере мы видим того самого ленинского купца-капиталиста, который, поднимаясь и падая, всё время влачим в сторону наживы, которую он стремится извлечь не случайно, а с помощью поставы, калькулирующего извлечение и поставление действительности на службу этому всеохватному процессу. Нас не должно отекать от сути явления, что источником для его расчета была Библия. Главное, что он читал ее не как христианин, для утешения и спасения, а как адепт совсем другой религии. Начиная с эпохи нового времени золотому тельцу приносятся не случайные жертвы, а тщательно обмеренные, взвешенные и химически проанализированные.

Таким образом, наша гипотеза относительно эпохи раннего периода формирования капитализма и / или раннего периода эпохи колониальных захватов заключается в том, что в основе этого процесса лежит присваивающий характер поведения человека. На этой основе (которая наблюдается эмпирически от викингов до полинезийцев и даже изолятов вроде острова Пасхи и каньона Чако, не говоря уже о современных обществах США, Гаити и Доминиканской республики) в XVII в. формируется новое отношение к миру, которое ставит это поведение на рациональную, рассчитывающую основу – на то, что М. Хайдеггер называет «постав» и противопоставляет другим возможным отношениями к бытию сущего.

У нас остался всего один вопрос: как же так случилось, что такое видение мира неожиданно стало захватывающим и заменило все другие формы восприятия реальности, включая собственно философский? М. Хайдеггер ответа не дает.

² См.: Гинзбург К. Широты, рабы и Библия: опыт микроистории // НЛО. 2004. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/1> (дата обращения: 21.06.2023).

Список литературы

- Heidegger M.** Geschichte der Philosophie von Thomas von Aquin bis Kant (Winter semester 1926/27) / Hrsg. Helmuth Vetter. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann Verlag, 2006. XII, 248 p. (Gesamtausgabe. Bd. 23)
- Heidegger M.** Zum Ereignis-Denken / Hrsg. Peter Trawny. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann Verlag, 2013. XCVIII, 1496 p. (Gesamtausgabe. Bd. 73.1)
- Heidegger M.** Anmerkungen I-V. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann Verlag, 2015. 530 S. (Gesamtausgabe. Bd. 97)
- Балацкий Е. В.** Принцип согласованности в теории социального развития // Terra Economicus. 2021. 19. № 1. С. 36–52. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-1-36-52
- Даймонд Дж.** Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М.: АСТ, 2008.
- Дерлугьян Г. М.** Советская революция 1905–1945: тезисы к первому столетию // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2017. № 5(115). С. 80–96.
- Ленин В. И.** Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов) // Ленин В. И. Соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1958a. Т. 1. С. 153–154.
- Ленин В. И.** Развитие капитализма в России // Ленин В. И. Соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1958b. Т. 3. С. 21–22.
- Медик Х.** Микроистория // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 193–202.
- Олдрич Х.** Интервью // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 5. С. 6–19.
- Розов Н. С.** Макросоциологические теории последней трети XX – начала XXI в. // Теория и методология истории: учебник для вузов / Отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2014. С. 167–183.
- Сафонов А. Л.** Нации и этносы в историческом процессе: проблемы философской концептуализации: Монография. М.: МГИУ, 2015.
- Соколовский И. Р.** О «капитале» и «капитализме» в работах советских историков // Сиб. филос. журн. 2019. Т. 17. № 2. С. 158–173.
- Ткачук М. Е.** Грядущее прошлое или настоящее будущее? Левая реформация против либеральной архаики // Своб. мысль. 2015. № 2(1650). С. 5–22.
- Философия, наука, гуманизм в эпоху глобальной турбулентности : сб. науч. тр. Всеросс. науч. конф. Новосибирск: НГУ, 2018.
- Хайдеггер М.** Изречение Анаксимандра // Разговор на проселочной дороге / Ред. А.Л. Доброхотов. М.: Высш. шк., 1991. С. 28–69.
- Хайдеггер М.** Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 221–238.
- Хайдеггер М.** Путь к языку // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 259–273.
- Хайдеггер М.** Тожество и различие / Ред. О. Никифоров. М.: Логос, 1997.
- Хайдеггер М.** Записки из мастерской // Хайдеггер М. Исток художественного творчества / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Акад. проект, 2008. С. 422–424.
- Хут Л. Р.** Теоретико-методологические проблемы изучения истории нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. М.: Прометей, 2010.

References

- Aldrich H.** Interview // *Economic Sociology*. 2004. V. 5. No. 5. P. 6–19 (In Russian)
- Balatsky E. V.** The principle of consistency in the theory of social development // *Terra Economicus*. 2021. Vol. 19. No. 1. P. 36–52. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-1-36-52 (In Russian)
- Derlugyan G. M.** Soviet Revolution 1905–1945: Theses for the First Century // *Emergency Reserve. Debate about politics and culture*. 2017. No. 5(115). P. 80–96. (In Russian)
- Diamond J.** Collapse. Why do some societies survive while others die. M.: AST, 2008. (In Russian).
- Heidegger M.** History of philosophy from Thomas Aquinas to Kant (winter semester 1926/27) / Ed. by Helmuth Vetter. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann Verlag, 2006. XII, 248 p. (Complete Edition. Vol. 23) (In German)
- Heidegger M.** On Event Thinking, / Ed. Peter Trawny. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann Verlag, 2013. XCVIII, 1496 p. (Complete Edition. Vol. 73.1) (In German)
- Heidegger M.** Notes I–V. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann Verlag, 2015. 530 S. (Complete edition. Vol. 97) (In German)
- Heidegger M.** The saying of Anaximander // *Conversation on a country road* / Ed. by A.L. Dobrokhotoy. M., 1991. P. 28–69. (In Russian)
- Heidegger M.** The question of technology // Heidegger M. Time and being: articles and speeches. M.: Respublika, 1993. P. 221–238. (In Russian)
- Heidegger M.** The Way to Language // Heidegger M. Time and Being: Articles and Speeches. M.: Respublika, 1993. P. 259–273. (In Russian)
- Heidegger M.** Identity and difference / Ed. O. Nikiforov. M.: Logos, 1997. (In Russian)
- Heidegger M.** Notes from the workshop // Heidegger M. The source of artistic creation. M.: Academic project, 2008. P. 422–424. (In Russian)
- Khut L. R.** Theoretical and methodological problems of studying the history of modern times in Russian historiography at the turn of the 20th–21st centuries. M.: Prometheus, 2010. (In Russian)
- Lenin V. I.** What are the «friends of the people» and how are they fighting against the Social Democrats? (Response to the articles of «Russian wealth» against the Marxists) // *Lenin V. I. Works*. M.: Politizdat Publ., 1958a. vol. 1. (In Russian)
- Lenin V. I.** The development of capitalism in Russia // *Lenin V. I. Works*. M.: Politizdat Publ., 1958b, vol. 3. (In Russian)
- Medic H.** Microhistory // *THESIS*. 1994. No. 4. P. 193–202. (In Russian)
- Philosophy**, science, humanism in the era of global turbulence: Sat. scientific tr. Vseross. scientific conf. Novosibirsk: NSU, 2018. (In Russian)
- Rozov N. S.** Macrosociological theories of the last third of the 20th – early 21st century. // *Theory and methodology of history: a textbook for universities* / Ed. ed. V. V. Alekseev, N. N. Kradin, A. V. Korotaev, L. E. Grinin. Volgograd: Uchitel, 2014. P. 167–183. (In Russian)
- Safonov A. L.** Nations and ethnic groups in the historical process: problems of philosophical conceptualization: monograph. M.: MGIU, 2015. (In Russian)
- Sokolovsky I. R.** On “capital” and “capitalism” in the works of Soviet historians // *Siberian Philosophical Journal*. 2019. V. 17. No. 2. P. 158–173. (In Russian)

Tkachuk M. E. The coming past or the present future? Left Reformation vs Liberal Archaisism // Svobodnaya Mysl. 2015. No. 2 (1650). P. 5–22. (In Russian)

Сведения об авторе

Иван Ростиславович Соколовский, кандидат исторических наук
научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук

Information about the Author

Ivan R. Sokolovskii, Candidate of Science (History)
Researcher, Institute of History Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

*Статья поступила в редколлегию 25.05.2023;
одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 29.06.2023*

*The article was submitted 25.05.2023;
approved after reviewing 20.06.2023; accepted for publication 29.06.2023*